

Ведьма — эпизод 3 из 4

Согревши себя ходьбой, он сел за стол, протянул грязные ноги к мешкам и подпер кулаком голову. Его бледное, с красными пятнами лицо носило еще следы только что пережитых боли и страха. Искривленное злобой, со свежими следами недавних физических и нравственных страданий, с тающим снегом на бровях, усах и круглой бородачке, оно было красиво.

Собачья жизнь! проворчал почтальон, водя глазами по стенам и словно не веря, что он в тепле. Чуть не пропали! Коли б не ваш огонь, так не знаю, что бы и было... И чума его знает, когда всё это кончится! Конца краю нет этой собачьей жизни! Куда мы заехали? спросил он, понизив голос и вскидывая глазами на дьячиху.

На Гуляевский бугор, в имение генерала Калиновского, ответила дьячиха, встрепенувшись и краснея.

Слышь, Степан? повернулся почтальон к ямщику, застрявшему в дверях с большим кожаным тюком на спине. Мы на Гуляевский бугор попали!

Да... далече!

Произнеся это слово в форме хриплого, прерывистого вздоха, ямщик вышел и, немного погодя, внес другой тюк, поменьше, затем еще раз вышел и на этот раз внес почтальонную саблю на широком ремне, похожую фасоном на тот длинный плоский меч, с каким рисуется на лубочных картинках Юдифь у ложа Олоферна. Сложив тюки вдоль стены, он вышел в сени, сел там и закурил трубку.

Может, с дороги чаю покушаете? спросила дьячиха.

Куда тут чаи распивать! нахмурился почтальон. Надо вот скорее греться да ехать, а то к почтовому поезду опоздаем. Минут десять посидим и поедем.

Только вы, сделайте милость, дорогу нам покажите...

Наказал бог погодой! вздохнула дьячиха.

М-да... Вы же сами кто тут будете?

Мы? Тутошние, при церкви... Мы из духовного звания... Вон мой муж лежит! Савелий, встань же, иди поздоровайся! Тут прежде приход был, а года полтора назад его упразднили. Оно, конечно, когда господа тут жили, то и люди были, стоило приход держать, а теперь без господ, сами судите, чем духовенству жить, ежели самая близкая деревня здесь Марковка, да и та за пять верст! Теперь Савелий заштатный и... заместо сторожа. Ему споручено за церковью глядеть...

И почтальон тут же узнал, что если бы Савелий поехал к генеральше и выпросил у нее записку к преосвященному, то ему дали бы хорошее место; не

идет же он к генеральше потому, что ленив и боится людей.

Все-таки мы духовного звания... добавила дьячиха.

Чем же вы живете? спросил почтальон.

При церкви есть сенокос и огороды. Только нам от этого мало приходится...

вздыхнула дьячиха. Дядькинский отец Никодим, завидующие глаза, служит тут на Николу летнего да на Николу зимнего и за это почти всё себе берет.

Заступиться некому!

Врешь! прохрипел Савелий. Отец Никодим святая душа, светильник церкви, а ежели берет, то по уставу!

Какой он у тебя сердитый! усмехнулся почтальон. А давно ты замужем?

С прощенного воскресенья четвертый год пошел. Тут прежде в дьячках мой папенька были, а потом, как пришло им время помирать, они, чтоб место за мной осталось, поехали в консисторию и попросили, чтоб мне какого-нибудь неженатого дьячка в женихи прислали. Я и вышла.

Ага, стало быть, ты одной хлопущкой двух мух убил! сказал почтальон, глядя на спину Савелия. И место получил, и жену взял.

Савелий нетерпеливо дрыгнул ногой и ближе придвинулся к стенке.

Почтальон вышел из-за стола, потянулся и сел на почтовый тюк. Немного подумав, он помял руками тюки, переложил саблю на другое место и растянулся, свесив на пол одну ногу.

Собачья жизнь... пробормотал он, кладя руки под голову и закрывая глаза. И лихому татарину такой жизни не пожелаю.

Скоро наступила тишина. Слышно было только, как сопел Савелий да как уснувший почтальон, мерно и медленно дыша, при всяком выдыхании выпускал густое, протяжное к-х-х-х.... Изредка в его горле поскрипывало какое-то колесико да шуршала по тюку вздрагивавшая нога.

Савелий заворочался под одеялом и медленно оглянулся. Дьячиха сидела на табурете и, сдавив щеки ладонями, глядела в лицо почтальона. Взгляд ее был неподвижный, как у удивленного, испуганного человека.

Ну, чего воззрилась? сердито прошептал Савелий.

А тебе что? Лежи! ответила дьячиха, не отрывая глаз от белокурой головы.

Савелий сердито выдохнул из груди весь воздух и резко повернулся к стене.

Минуты через три он опять беспокойно заворочался, стал в постели на колени и, упершись руками о подушку, покосился на жену. Та всё еще не двигалась и глядела на гостя. Щеки ее побледнели и взгляд загорелся каким-то странным огнем. Дьячок крикнул, сполз на животе с постели и, подойдя к почтальону, прикрыл его лицо платком.

Зачем ты это? спросила дьячиха.

Чтоб огонь ему в глаза не бил.

А ты огонь совсем потуши!

Савелий недоверчиво поглядел на жену, потянулся губами к лампочке, но тотчас же спохватился и всплеснул руками.

Ну, не хитрость ли бесовская? воскликнул он. А? Ну, есть ли какая тварь хитрее бабьего роду?

А, сатана длиннополая! прошипела дьячиха, поморщившись от досады. Погоди же!

И, поудобнее усевшись, она опять уставилась на почтальона.

Ничего, что лицо было закрыто. Ее не столько занимало лицо, как общий вид, новизна этого человека. Грудь у него была широкая, могучая, руки красивые, тонкие, а мускулистые, стройные ноги были гораздо красивее и мужественнее, чем две кулдышки Савелия. Даже сравнивать было невозможно.

Хоть я и длиннополый нечистый дух, проговорил, немного постояв, Савелий, а тут им нечего спать... Да... Дело у них казенное, мы же отвечать будем, зачем их тут держали. Коли везешь почту, так вези, а спать нечего... Эй, ты! крикнул Савелий в сени. Ты, ямщик... как тебя? Проводить вас, что ли? Вставай, нечего с почтой спать!

И расходившийся Савелий подскочил к почтальону и дернул его за рукав.

Эй, ваше благородие! Ехать, так ехать, а коли не ехать, так и не тово... Спать не годится.